

Когда человек действительно ничего не имеет и ничего не знает, он не ощущает своей убогости, ибо его глаза, окутанные тьмой, ничего не видят. Но теперь, когда его взор открылся, Шу Цзюнь почувствовал, что ему многого не хватает, и даже не знал, с чего начать восполнение этих пробелов.

Он везде выглядел неумелым и даже начал сомневаться, что когда-нибудь сможет стать по-настоящему полезным для Сюэ Кайчао. Ведь он учился слишком медленно, а непонимания было слишком много.

Однако Сюэ Кайчао думал иначе. Задумчиво сжав пальцы на талии Шу Цзюня, он вызвал у того непровольный вздрагивающий смешок, и юноша сжался в комок. Сюэ Кайчао же, словно не замечая своей детской шалости, спокойно произнес:

— Тебе не нужно учиться у них. У тебя есть своя польза.

Шу Цзюнь не знал, в чем его польза, но не сомневался в словах Сюэ Кайчао, молча кивнул и обвил его шею руками. Его тело разогрелось от прикосновений, и он уже едва мог сдерживаться. Раньше он мог спокойно разговаривать с Сюэ Кайчао, но теперь, когда его руки постоянно двигались, терпение Шу Цзюня было на исходе.

Соединившись, Шу Цзюнь снова почувствовал легкую прохладу, исходящую от Сюэ Кайчао, и прижался лицом к его груди, невнятно пробормотав:

— Так жарко.

На самом деле Сюэ Кайчао не ощущал жара, даже несмотря на то, что Шу Цзюнь прижимался к его груди. Он годами тренировался, чтобы сбалансировать или полностью использовать драконью кровь в своем теле, и мог регулировать себя в любом месте, что делало его намного выносливее Шу Цзюня. Именно благодаря своей природной жаре Шу Цзюнь и привлек его внимание.

В этом плане они хорошо дополняли друг друга. Сюэ Кайчао провел ладонью по спине Шу Цзюня, медленно опускаясь вниз:

— Все еще жарко?

Уши Шу Цзюня покраснели, и он тихо ответил:

— Разве не говорят, что спокойствие сердца приносит прохладу? Мне действительно жарко.

Его сердце действительно не было спокойным. Ведь он практиковал не путь, отрекающийся от человеческих желаний, и как можно было оставаться равнодушным к таким прикосновениям? Даже в естественной ледяной пещере он бы все равно чувствовал жар.

В комнате никогда не ставили лед, так как Сюэ Кайчао в этом не нуждался. Снаружи деревья бросали тени, вечерний ветер приносил прохладу, но летняя духота все еще витала в этом уголке за занавесками кровати. Шу Цзюнь снова оказался внизу, и, видя, как маленькая змейка снова переворачивается на спину, обнажая скрытое под чешуей, он почувствовал стыд, даже если раньше не ощущал ничего. А уж для такого неискушенного, как он, это было особенно сильно.

Сюэ Кайчао играл с извивающейся змейкой, затем положил ее на грудь Шу Цзюня, его глубокие зеленые глаза смотрели на неподвижного юношу:

— Твое духовное тело сформировалось недавно. Умеешь ли ты им пользоваться?

Шу Цзюнь не понял его намек, но через мгновение покраснел и молча сосредоточился, пытаясь связать свои руки духовным телом. Он не знал, почему так послушно подчинился и почему дал Сюэ Кайчао такую возможность. Ощущая, как тонкая змеиная чешуя трется о его запястья, твердая и холодная, он смотрел, как Сюэ Кайчао подносит к его лицу змеиный хвост, свисающий с его запястий, и с досадой сам открыл рот, чтобы принять его.

Посторонние мало знали о Владыке Цинлине, видя его величественным и благородным, они считали его настоящим благородным человеком. Но они не понимали, что в глазах Сюэ Кайчао мораль была лишь способом контролировать обычных людей и не имела к нему никакого отношения. То, что он делал, было великим путем, не имеющим ничего общего со справедливостью или добродетелью, и делал он это не ради кого-то или чего-то.

Поэтому, даже когда Шу Цзюнь, охваченный стыдом и гневом, отвернулся и уткнулся лицом в подушку, это не остановило его.

На следующий день Шу Цзюнь проснулся под звуки дождя и несколько мгновений приходил в себя, пытаясь понять, где он находится.

Снаружи белые капли дождя, словно жемчужины, стучали по цветам и деревьям, казалось, весь мир был окутан плотной шторой дождя, звук которого эхом разносился в просторном и высоком зале спальни. Аромат благовоний, зажженных прошлой ночью, уже выгорел, оставив после себя лишь тонкий, неуловимый запах без намека на дым. Шу Цзюнь, уткнувшись лицом в подушку, лежал в постели, чувствуя себя совершенно расслабленным, словно у него не было костей, и даже не обращал внимания на змейку толщиной с запястье, обвившую его шею.

Змейка была холодной, но, пролежав вместе с ним некоторое время, постепенно согрелась. Если бы не то, что она мешала ему двигать руками, Шу Цзюнь, возможно, даже забыл бы о ее существовании. Змейка лениво лежала, ее треугольная голова спряталась в изгибе шеи Шу Цзюня, и она казалась еще более ленивой, чем он сам, не желая вставать.

Хотя Шу Цзюнь в глубине души знал, что змейка и он были подобны Лазурному Цилиню и Сюэ Кайчао, фактически происходя из одного источника, и ему не следовало на нее злиться. Но сейчас, когда Сюэ Кайчао не было рядом, Шу Цзюнь, вспоминая события прошлой ночи, не смог сдержать раздражения. Он снял змейку с шеи и положил ее в сторону, сердито посмотрев на нее, затем, обняв одеяло, с трудом поднялся.

Звук дождя снаружи вызывал особую усталость, а за занавесками кровати было особенно темно, словно еще рано. Шу Цзюнь не чувствовал никакой спешки и долго сидел на кровати, прежде чем одеться и спуститься вниз.

Сюэ Кайчао всегда придерживался строгого распорядка, поэтому, проснувшись и не найдя его рядом, Шу Цзюнь не удивился, лишь понял, что встал уже поздно. Умывшись, он взял клинок Хаошуан и, пройдя по галерее, направился в заднюю часть дома, чтобы перед едой немного потренироваться.

Его технику владения мечом преподавала Ю Юй. Она сама в бою была очень гибкой и обладала яркой индивидуальностью, предпочитая прямые и мощные удары, но знала множество приемов. Шу Цзюнь многое перенял у нее и должен был ежедневно тренироваться.

Раньше, не имея опыта настоящих боев, а только тренируясь с партнерами, Шу Цзюнь владел мечом несколько скованно. Однако после посещения Секты Призраков, словно прозрев, он

наконец понял суть и почувствовал себя более гибким и быстрым. Его интерес возрос, и тренировки стали более активными.

Дождь снаружи, казалось, не собирался прекращаться, и Шу Цзюнь, держа меч, стоял под крышей позади дома, глядя на зеленый, затянутый дымкой сад, и вздохнул. Затем он повернулся и пошел вдоль галереи, ища достаточно большое место, чтобы размяться. Но неожиданно столкнулся с Сюэ Кайчао, который с первого взгляда понял его намерения:

— Восточный зал должен подойти.

Шу Цзюнь, увидев маленького цилиня, парящего на зеленом облаке у ног Сюэ Кайчао, слегка опустил голову:

— Да.

И направился в восточный зал.

Там стояла статуя божества Небесного Путеводителя, перед которым висели желтые занавески и стоял алтарь, убранство было похоже на Дворец Закона. На другой стене висел портрет женщины, сидящей на лotosовом троне с опущенным взглядом. Она была одета в ритуальные одежды, на голове — лotosовая корона, с обеих сторон которой свисали длинные жемчужные кисти, доходившие до плеч. Ее лицо было строгим и величественным, она выглядела в расцвете сил, и при взгляде на нее естественно возникало чувство благоговения.

Шу Цзюнь не мог разглядеть статую за выцветшими занавесками, но его внимание привлек портрет. За его спиной раздался голос Сюэ Кайчао:

— Это одна из прежних Владетелей Жетона, почитаемая как Владыка Кайюнь, одна из моих предков. Именно она инициировала строительство этого зала. Когда ворота ада распахнулись, она сражалась здесь, не отступив ни на шаг, и совершила великий подвиг. Поэтому здесь, помимо Небесного Путеводителя, также находится ее портрет.

Шу Цзюнь не ожидал, что Сюэ Кайчао войдет и расскажет ему это, молча слушал, время от времени кивая, затем посмотрел на портрет и на Сюэ Кайчао:

— Владыка Кайюнь не похожа на вас.

Сюэ Кайчао слегка приподнял бровь, затем снова принял бесстрастное выражение и ответил:

— Она жила две тысячи лет назад.

Такой огромный временной промежуток, даже для Шу Цзюня, который уже начал ступать на путь долголетия, был пугающим. Он знал, что в мире бессмертных браки и рождение детей происходят по желанию, и чем выше уровень мастерства, тем позже люди женятся и рожают, а некоторые и вовсе не хотят продолжать свой род. Хотя Сюэ Кайчао сказал, что прошло две тысячи лет, возможно, Владыка Кайюнь была лишь его прапрабабушкой или прапрапрабабушкой. Для таких должностей, как Владетель Жетона, сроки правления были долгими, и передача власти происходила медленно. То, что Сюэ Лу спешил передать свою должность сыну, было исключительным случаем.

Однако, когда Сюэ Кайчао говорил это, Шу Цзюнь в глубине души предположил, что Сюэ Кайчао, возможно, больше похож на свою мать. Он мало знал о прошлом Сюэ Кайчао, но все знали, что госпожа Дугу рано умерла. Если человек не похож на своих предков по отцовской

линии, возможно, он больше похож на мать. Это сделало его вопрос неуместным.

Шу Цзюнь больше не спрашивал, сложил ладони и поклонился портрету.

Блин, слишком откровенно. Сюэ Кайчао, сынок, ты пал! Какой же ты плохой! Ты вообще человек? (Хотя, поразмыслив, действительно не человек...)

<http://bllate.org/book/16142/1445555>